

Самкова Ирина Анатольевна

**КУЛЬТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Специальность 22.00.04 –
«Социальная структура, социальные институты и процессы»

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Пермь – 2005

Работа выполнена на кафедре социологии и политологии гуманитарного факультета Пермского государственного технического университета

Научный руководитель:

доктор философских наук, профессор
Слюсарянский Марк Абрамович

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор
Калашникова Елена Михайловна,

кандидат социологических наук,
доцент **Лобанов Сергей Васильевич**

Ведущая организация:

Пермский государственный институт
искусства и культуры

Защита диссертации состоится 22 июня 2005 года в 15 часов на заседании диссертационного совета К 212.188.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата социологических наук в Пермском государственном техническом университете по адресу: 614000, г. Пермь, Комсомольский проспект, 29, главный корпус, ауд. 423 б.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Пермского государственного технического университета.

Автореферат разослан 15 августа 2005 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук, профессор

Парамонова С.П.

*2006-4
12169*

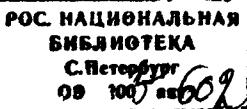
2169628

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. В настоящее время российское общество переживает системную социальную трансформацию. В рамках этого процесса изменяются экономические, политические, культурные и социализационные основы общественного строя. Вся совокупность социальных институтов приобретает качества, характерные для обществ рыночного типа с развитыми гражданскими отношениями и политической демократией. Учитывая это обстоятельство, следует отметить, что институциональные изменения в России представляют собой лишь часть трансформации общественного бытия, которая наблюдается в странах, переходящих к постиндустриализму. Лейтмотивом происходящей трансформации является постепенное изменение роли культуры в процессах социального структурирования современных обществ. Не случайно, анализируя новые тенденции формирования социальной структуры российского общества, социологи обращают внимание на повышение значимости в социальном расслоении «таких личных человеческих качеств, как одаренность или талант, уровень социализации, качество образования, компетентность, способность к овладению новыми занятиями, культурный кругозор»¹. Для обозначения перечисленных качеств исследователи используют понятие «культурного капитала», которое все чаще употребляется для характеристики положения индивидов и социальных групп в обществе, а также для описания условий социальной мобильности. Изучение экономических, политических, профессиональных и демографических параметров структурирования общества представляется недостаточным в плане выявления статусного потенциала – связанных с культурой личностных возможностей и приоритетов. Фактически это означает признание того, что новая эпоха воспроизводит иные, нежели прежде, формы социальной дифференциации. Необходимость познания этих форм в контексте трансформации российского общества обуславливает актуальность изучения культурной дифференциации социальных групп как непременной составляющей процесса социального дифференцирования. Понимание характера культурной дифференциации социальных групп в меняющемся обществе позволяет установить закономерности формирования его структуры и тем самым определить перспективы общественного развития.

Степень разработанности темы. В социологической литературе проблемы культурной дифференциации социальных групп рассматриваются в связи с анализом культурного аспекта социальной дифференциации, то есть различий «между макро- и микрогруппами, а также индивидами, выделенными по многим основаниям» (экономическим, политическим, профессиональным, социально-демографическим, образовательным...) и, в частности, «по идеологи-

¹ Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. – 1997, № 2. – С. 8.

ческим и культурным пристрастиям¹. Фактически под «культурной дифференциацией социальных групп» здесь понимаются проявляющиеся в обществе социально-групповые различия в типах культуры, субкультурах, стилях жизни и прочих культурных формах.

Воспринимаемая в таком качестве, тема культурной дифференциации социальных групп нашла отражение в многочисленных исследованиях. Так, при постановке и анализе исходных проблем диссертационной работы мы использовали статьи и монографии, посвященные влиянию культуры на социальные процессы в современном мире, в том числе на изменение социальных структур в трансформирующихся обществах. Этой проблеме посвящены работы И. Валлерстайна, С. Хантингтона, Л. Харрисона, Ф. Фукуямы, Р. Инглхарта. Те же явления применительно к российскому обществу рассматривалась Л.Д. Гудковым, Б.В. Дубиным, Т.И. Заславской, Н. Зоркой, Ю.А. Левадой, А.Г. Левинсоном и О.И. Стучевской, О.Л. Лейбовичем, В.В. Радаевым и О.И.Шкаратаном.

Далее, с целью разработки концепции изучения культурной дифференциации социальных групп и интерпретации полученных эмпирических данных мы обратились к исследованиям структуры и динамики отдельных компонентов культуры ценностей, норм, целевых установок в основных социальных группах российского общества, которые были проведены А.В. Андреенковой, Ю.Р. Вишневским и В.Т. Шапко, В.В. Гаврилюк и Н.А. Трикоз, И.М. Головой, Р. Громовой, И.Г. Дубовым и другими авторами монографии «Ментальность россиян»², Б.Г. Капустиным, И.М. Клямкиным, С.Г. Климовой, Л.Н. Курбатовой, Н.И. Лапиным, С.П. Парамоновой, В.В. Петуховым, Г.Г. Силласте, В.Н. Стегнием, Н.Е. Тихоновой, В.С. Цукерманом, Е.С. Шайдаровой.

Наконец, собственно концепции культурной дифференциации социальных групп, составившие теоретическую основу работы, рассматриваются в контексте трех традиций.

Первая традиция – это зарубежные социологические концепции О Конта; М. Вебера; П.А. Сорокина; Г. Зиммеля; теоретиков модернизации: Т. Парсонса, У. Ростоу, Р. Аrona, А. Турена, А. Абдель-Малека, Ш. Эйзенштадта; а также Д. Бирнбаума и М. Соммерса; Р. Лайнса; Г. Стиглера и Г. Беккера; П. Бурдье и его последователей: Д. Вайна, А. Уорда и М. Томлинсона, С. Лэша, Ж. Урри, М. Сэвэжа и других авторов исследования «Собственность, бюрократия и культура: Формирование среднего класса в современной Британии»³.

Анализу некоторых из этих концепций посвящена статья А.Ю. Согомонова, в которой в целом отражена ситуация повышенного интереса к проблеме

¹ Пригожин А.И. Дифференциация социальная // Социологическая энциклопедия в 2 т / Под. ред. В.Н. Иванова, Г.Ю. Семигина, Ж.Т. Тощенко и др. – М.: Мысль, 2003 – Т.1. – С. 290.

² Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России) / Общ. ред. И.Г. Дубова. – М.: Имидж-Контакт, 1997.

³ Savage M., Barlow J., Dickens A., Fielding T. Property, Bureaucracy and Culture: Middle Class Formation in Contemporary Britain. – London: Routledge, 1992.

мам культурной дифференциации социальных групп со стороны современных исследователей, главным образом теоретиков постмодернизма¹.

Ко второй традиции относятся *советские концепции, появившиеся в 1960-70-е годы*. Это концепции З.И. Файнбурга и представителей свердловской (ныне екатеринбургской) школы социально-культурных исследований Л.Н. Когана, Т.М. Иовчука, Ю.Р. Вишневского, В.Л. Барсука и других.

Третью традицию составляют *концепции отечественных исследователей, отразившие ситуацию социальной трансформации российского общества в 1990-2000-е годы*. Среди них следует отметить концепцию творческого коллектива лаборатории социологии ПГТУ под руководством М.А. Слюсарянского, обстоятельно представленную в работах В.Д. Разинской; концепцию социологов сектора проблем общественного сознания Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН Б.М. Фирсова, В.В. Сафонова, О.Н. Бурмыкиной, А.В. Корниенко и Н.А. Нечаевой; концепцию Л.Г. Ионина; концепцию специалистов журнала «Эксперт»; концепцию А.М. Демидова и его коллег.

Особого внимания заслуживает работа Ю.М. Вассермана, в которой представлена методика измерения культурной дифференциации социальных групп в современном российском обществе, разработанная на основе концепции модернизации². Данная методика с благодарностью используется в настоящем исследовании.

Объектом исследования являются социальные группы как компоненты социальной структуры современного российского общества.

Предмет исследования – культурная дифференциация социальных групп, ее обусловленность социоструктурными факторами.

Цель исследования состоит в теоретической разработке и эмпирическом применении концепции изучения культурных различий социальных групп в российском обществе в условиях трансформационного процесса.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

- провести анализ социологических концепций культурной дифференциации социальных групп и выявить возможные аспекты изучения интересующего нас явления;
- предложить научно обоснованную модель исследования культурной дифференциации социальных групп на основе систематизации критериев, позволяющих зафиксировать феномен;
- рассмотреть изменение исторического типа культуры в современной России в качестве обстоятельства, влияющего на характер проявления культурной дифференциации социальных групп и ее воздействие на процесс социального структурирования общества;

¹ Согомонов А.Ю. Культурное отличие в идеологии и социологии модерна и постмодерна (канон и деканонизация) // Социодинамика культуры. – Вып. 2. Социокультурная дифференциация. – М.: Институт социологии РАН, 1993. – Кн. 1 – С. 57-76

² Вассерман Ю.М. Анализ социокультурных последствий модернизации российского общества (некоторые результаты пилотажного исследования) // Ученые записки гуманитарного факультета. – Пермь: ПГТУ, 2004. – Вып. 7. – С. 225-239.

- разработать типологию культурных различий социальных групп в условиях трансформации российского общества;
- выяснить особенности влияния социально-демографических, социально-статусных и социализационных факторов на культурную дифференциацию социальных групп.

Методологическая база исследования. В нынешних условиях изучение проблем культурной дифференциации социальных групп целесообразно проводить, опираясь на различные направления социологического анализа.

Прежде всего это формационный подход, адаптированный исследователями к изучению современной трансформации в мире и в России, в частности. Методология формационного подхода позволяет представить противоречия и перспективы развития общественной системы, которые находят отражение в социальной структуре общества и в социокультурных установках непосредственных участников исторического процесса. Применение принципов данного подхода необходимо для рассмотрения динамического аспекта культурной дифференциации социальных групп в современном обществе.

Анализ структурного аспекта культурной дифференциации социальных групп опирается на конструктивистский структурализм, интегральную теорию взаимосвязи объективных социальных структур и внутриличностных схем восприятия, мышления, действия, составляющих габитус агентов. Данная теория позволяет за явными (субстанциональными) проявлениями общественной жизни увидеть существенные отношения или логические структуры, которые делают необходимыми эти проявления. Исследование подобного рода структур – «способов актуализации социальной реальности» – лежит в основе настоящей работы. Понимание действия этих структур расширяет объяснительные возможности концепции габитуса в меняющемся обществе, поскольку позволяет изучить культурные различия, (вос-)производимые агентами в конкретных видах деятельности, в качестве адаптационных свойств социальных групп, представляющих собой системы однотипных личностных практик.

Наконец, рассмотрение функционального аспекта культурной дифференциации социальных групп, связанного с технологией выделения способов актуализации социальной реальности, заставляет принять принцип взаимодополнительности в использовании приемов типологического и стилевого подходов к анализу интересующего нас явления. Эти подходы были выделены нами в результате изучения социологических концепций культурной дифференциации. Конструирование идеальных культурных типов, характерное для типологического подхода, используется при создании аналитической модели исследования, а описательная логика стилевого подхода – при эмпирической проверке действия этой модели посредством выделения конкретных конфигураций отдельных культурных признаков, отличающих представителей тех или иных социальных групп.

Эмпирическую базу работы составили полученные автором результаты:

- исследований культурной дифференциации работников производственных предприятий г. Перми и студентов ПГТУ 2003 и 2004 годов (численность респондентов 576 человек и 534 человека соответственно);

- исследования социальных автобиографий студентов 1998-2004 годов (анализированы 98 автобиографий);
- исследования структуры представлений студентов о свободе методом незаконченных предложений 2003 года (численность респондентов 78 человек).

В работе также анализируются материалы:

- исследований лаборатории социологии ПГТУ «Учитель в современном обществе» 1999 года (численность респондентов 731 человек) и «Состояние социально-трудовых отношений на промышленных предприятиях пермской области» 2003 года (численность респондентов – 2 174 человека);
- исследования лаборатории социологии проблем высшего образования ППИ «Эффективность научно-исследовательской работы студентов» 1984 года (численность респондентов 792 человека);
- мониторинговых опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения 1997-2004 годов (общая численность респондентов 10 331 человек);
- российских статистических обзоров в сферах образования и культуры за период с 1970 года по 2002 год.

Кроме того, в диссертации применяется процедура вторичного анализа данных, предполагающая использование уже введенных в научный оборот результатов исследований известных социологических центров для решения стоящих перед нами задач.

Научная новизна работы. Во-первых, систематизирован накопленный научный опыт по изучению культурной дифференциации социальных групп в плане выделения диахромии типологического и стилевого подходов, отразивших основные направления теории социального познания.

Во-вторых, на основании данных качественных и количественных исследований, а также материалов статистики осуществлен анализ изменения исторического типа культуры в современной России. Этот анализ позволил показать реальный культурный контекст, условия, противоречия и перспективы, формирования социальной структуры общества.

В-третьих, разработана эмпирическая типология культурных различий на примере социальных групп работников производственных предприятий и студентов, которая раскрывает закономерности взаимовлияния культуры и социальной структуры в современном российском обществе.

В-четвертых, применен комплекс взаимодополняющих методик, в том числе разработанных автором, благодаря которым удалось изучить культурную дифференциацию социальных групп.

Положения, выносимые на защиту.

1. В современном российском обществе культурная дифференциация социальных групп становится важным компонентом социального структурирования. По данным социологических исследований, значимость культурных критериев социальной дифференциации имеет тенденцию быть сопоставимой со значимостью экономических и профессиональных критериев, определяющих социальный статус агентов.

2. С целью систематизации культурных различий социальных групп в обществе автор работы предлагает использовать понятие «способ актуализации

социальной реальности. Это понятие представляет собой идеальную конструкцию предполагаемой внутриличностной структуры, которая выполняет функцию адаптации формируемых габитусом схем практик агента к изменению системы социальных отношений посредством включения в действие рефлексивного мышления. Воспринимаемый в таком ракурсе, способ актуализации социальной реальности оказывается способом социального функционирования культуры на уровне личности. Однако характерные для агентов, занимающих разные общественные позиции, способы актуализации социальной реальности могут выступать в качестве структурообразующих компонентов культуры на уровне социальных групп и общества в целом. Культура в данном случае рассматривается как совокупность существующих в обществе способов актуализации социальной реальности, а культурная дифференциация социальных групп – как различие этих способов по комплексу признаков.

3. Выявленные культурные различия социальных групп отражают ход исторического процесса: направленные в будущее постмодернизационные тенденции, реальность современности и традиционалистскую ретроспективу. Подобного рода историческая определенность культуры влияет на адаптационные возможности и культурный потенциал агентов, на достижение ими социального статуса в трансформирующемся обществе.

4. Переход от мобилизационной культуры советского образца к постсоветской культуре спонтанного типа отражает одно из главных противоречий трансформационного процесса в российском обществе. Этот переход выражается в изменении характера культурной дифференциации социальных групп, когда вертикальные, слоевые, различия между ними перестают быть доминирующими и уступают место субкультурным различиям, обусловленным горизонтальным принципом социального структурирования. Однако в сложившейся социальной ситуации это изменение проявляется весьма неоднозначно, так что приходится говорить о сложной форме сосуществования в обществе обоих вариантов культурной дифференциации социальных групп.

5. В процессе воспроизведения культурных различий социальных групп в российском обществе проявляется кумулятивный эффект культуры. Культурный опыт, накопленный в семье старшими поколениями, определяет специфику культуры детей, в частности, способствует современной направленности этой культуры или, наоборот, преобладанию в ней традиционалистской тенденции. Действие кумулятивного эффекта культуры в различных социальных группах отражает специфику их положения в структуре российского общества.

Теоретическая и практическая значимость работы. Изложенные в диссертации положения и выводы, сделанные с учетом результатов конкретно-социологических исследований, представляют собой вклад в теорию трансформационного процесса в России. Они могут быть использованы в научно-исследовательской деятельности по изучению проблем культуры и социальной структуры, в дальнейших исследованиях культурной дифференциации социальных групп, а также в преподавании учебных курсов по общей социологии и социологии культуры.

В работе также предлагается анализ культурных составляющих механизма формирования социальной структуры общества. Действие этих составляющих необходимо учитывать в практике управления при реализации технологического воздействия на процессы социального структурирования, например, с целью мобилизации потенциала различных слоев общества, общности или коллектива организации в избирательных и пропагандистских кампаниях.

Апробация результатов работы. Основные положения работы были представлены на международных, общероссийских и региональных научных конференциях и семинарах в 1993-2005 годах. Материалы одного из проведенных конкретно-социологических исследований нашли отражение в докладе областной дистанционной научно-практической конференции «Молодежная наука Прикамья» в 2004 году и были опубликованы на конкурсной основе в качестве статьи.

В течение последнего десятилетия результаты работы использовались для чтения лекций по курсу «Общая социология» в Пермском государственном техническом университете и по курсу «Управление персоналом» в Республиканском межрегиональном центре повышения квалификации.

Представленная к защите диссертация обсуждалась на заседании кафедры социологии и политологии Пермского государственного технического университета. По теме диссертации опубликованы 20 статей и тезисов.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, списка литературы и восьми приложений. Объем ее содержания со списком литературы составляет 210 страниц. В работе используются таблицы и рисунки. Список литературы включает 183 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность диссертационной темы; анализируется степень ее разработанности в научной литературе; определяются объект, предмет, цели, задачи, методологическая и эмпирическая базы исследования; раскрывается его научная новизна; формулируются основные положения, выносимые на защиту; указывается теоретическая и практическая значимость работы; описываются обстоятельства апробации ее результатов.

В первой главе *«Теоретико-методологические подходы к изучению культурной дифференциации социальных групп»* рассматриваются различные социологические ракурсы исследования интересующего нас явления.

В первом параграфе главы *«Культурные основания социальных различий как предмет социологического анализа»* проводится классификация концепций, в которых так или иначе обосновываются принципы культурной дифференциации социальных групп в обществе.

Культурные основания социальных различий в обществе с самого начала существования социологии оказываются в центре внимания исследователей. При этом культурные составляющие, такие как: потребности, предпочтения,

престиж, ментальность, стили жизни, образование рассматриваются в качестве признаков, разделяющих общество на группы одновременно с признаками экономического и политического состояний. Подобного рода модели могут представлять различные срезы, аспекты иерархических социальных позиций в обществе как целостности, а могут служить проявлением специфических структур в субсистемах того же конкретного общества. Во втором случае, изучение культурных факторов социальных различий приобретает относительную самостоятельность, что находит отражение в концепциях антипозитивистской направленности и в исследованиях социальных структур позднеиндустриальных обществ. Здесь культурно-статусный порядок характеризуется как альтернативная экономической иластной иерархии система неиерархических («горизонтальных») различий между людьми, которая проявляется в разнообразии ценностных ориентаций, форм и способов поведения, в том числе стилей жизни, представителей различных социальных групп.

Такое разделение исследовательских позиций относительно дифференцирующей роли культуры в процессах социального структурирования не случайно. Оно обусловлено спецификой постановки и решения проблемы определения оснований культурной дифференциации социальных групп в обществе и характера ее влияния на социоструктурный процесс. В истории социологии эта проблема проявилась в двух теоретических подходах. Оба эти подхода связаны с известными научными традициями, с одной стороны, с европейским рационализмом, с другой стороны, с постнационалистическими течениями феноменологического и структуралистского плана. Различия между подходами обусловлены прежде всего спецификой понимания механизма регуляции социальной жизни посредством объективированных либо субъективированных структур. С точки зрения авторов, работающих в рамках первого подхода, логика развития объективированных социальных структур и культурных систем обуславливает характер изменений общества в целом. Второй подход сосредоточен на анализе процессов «конструирования социальной реальности» социальными агентами, на проблемах превращения субъективированных латентных структур, управляемых поведением людей в обществе, в социальные структуры, внешние по отношению к человеческому действию.

Первый подход условно можно назвать «типологическим». Его методология предусматривает анализ различных *типов культуры социальных групп как теоретических конструкций, необходимых для распознавания динамики общества*. Сторонники данного подхода уделяют внимание содержательному анализу культурной дифференциации. Логика развития культуры и социальных систем, выступающая в качестве основания для определения культурных различий социальных групп в обществе, интересует их по преимуществу.

Второй подход – «стилевой» связан с эмпирическим изучением *стилей жизни, относительно устойчивых символико-экспрессивных моделей социального поведения людей в обществе*. Составляющие его концепции ориентированы на построение формальных классификаций культурных различий социальных групп, проявляющихся в поведении, в оценках, отчасти во мнениях и отношениях их представителей. Эти концепции имеют в большей степени описание-

тельный характер. Исследователей интересует общая картина взаимодействия различных культурных форм (стилей жизни, субкультур) в конкретном социальном пространстве. Поэтому здесь проявляется не временной (исторический) аспект социокультурной динамики, как в типологических концепциях, а пространственно-графический.

Особое внимание в работе уделено дифференциации концепций, проявившейся внутри подходов в зависимости от понимания исследователями структурных механизмов взаимосвязи культуры и общества. У О. Конта, М. Вебера, П. Сорокина, у теоретиков модернизации на уровне макроанализа закономерностей социальных изменений прослеживается, скорее, социально не обусловленное, в определенной мере абстрактное с социологической точки зрения, влияние различных типов культуры общностей и групп на изменение общественных структур. Аналогичная парадигма прослеживается у Г. Зиммеля и, наконец, находит крайнее выражение в постмодернистских дискурсах, где признается свободное, социально неприкрепленное существование в обществе культурных форм и стилей жизни. В советской теории и социологии культуры роль культуры в обществе и, следовательно, характер культурной дифференциации общностей и групп зависит от определенного типа общественных отношений. В социологической концепции П. Бурдье культура, выполняющая функцию «легитимации социальных различий», также оказывается обусловленной ими, хотя и играет все большую роль в воспроизведстве социальной структуры, оказываясь важнейшим структурирующим фактором.

Такой «расклад» интересов между подходами, когда похожими оказываются позиции, с одной стороны, О. Конта, М. Вебера, П. Сорокина, теоретиков модернизации, а также Г. Зиммеля и постмодернистов; с другой стороны, советских исследователей и П. Бурдье отражает противоречие, лежащее в основе формирования социальной структуры современных обществ. Современные общества «вырастают» из классового состояния, поскольку культура, а не отношения между классами, начинает определять социоструктурные трансформации, но никак не могут отказаться от него в силу обусловленных той же культурой процессов воспроизведения социальной структуры.

Во втором параграфе главы *«Социально-групповой аспект культурной дифференциации в современной российской социологии»* дается характеристика отечественных концепций культурной дифференциации социальных групп, отразивших реальность трансформации российского общества.

В этих концепциях наиболее обстоятельно разработан именно социально-групповой аспект феномена культурной дифференциации. Их особенностью является акцентирование роли культурных различий социальных групп в изменении структуры общества, обладающего признаками неустойчивости и аномии. Макроуровень социологического анализа, уровень закономерностей социальных изменений, здесь, безусловно, присутствует, но он всецело подчинен выходу на уровень социальных групп, поскольку именно они рассматриваются в качестве основных носителей структурного потенциала общества в условиях происходящих перемен. Что касается различия между типологическим и стилевым подходами к исследованию культурной дифференциации социальных

групп, то в интересующих нас концепциях оно сохраняется, отражая в большей степени оппозицию между аналитически построенными культурными типологиями и эмпирическими типологиями стилей жизни.

Закономерно, что практически во всех рассматриваемых типологиях культурной дифференциации социальных групп учитываются различные реакции людей на новые условия существования. На этом основании выделяются «позитивный» и «негативный» в плане социальных настроений полюса социокультурного развития, различаются ориентированные на инновации и демонстрирующие явный консерватизм в социальном и культурном отношении группы. В концепции Л.Г. Ионина обозначенное противоречие культуры представлено оппозицией культурного плорализма и фундаментализма. В исследовании В.Д. Разинской оно проявляется в противостоянии современного и традиционного социокультурных типов. В работах Б.М. Фирсова, В.В. Сафонова, О.М. Бурмыкиной, А.В. Корниенко и Н.А. Нечаевой подобного рода дифференциация осуществляется по ценностным осям «новационное – традиционное» или «либеральное – советское». В исследованиях потребительских предпочтений людей противоположности культурного развития «инновационность» и «консерватизм» прослеживаются, скорее, косвенно, нежели напрямую. Здесь речь идет об активности и пассивности, импульсивности и планируемости потребления, о личностных предпочтениях свободного выбора и зависимости от общественного мнения.

Типологические и стилевые концепции объединяет также признание структурирующей роли культуры в ситуации социальных изменений и в потреблении товаров и услуг в современном обществе. Однако типологические концепции традиционно сохраняют объективистский характер. Их авторы обращают внимание на то, что особенности культурной дифференциации социальных групп обусловлены объективным процессом развития культуры вследствие трансформации социальной структуры общества. В стилевых концепциях, напротив, стили жизни сами по себе выполняют функцию конструирования социальной реальности. И все же стоит подчеркнуть, что, не смотря на методологические разногласия по вопросу о структурирующей роли культуры в обществе, исследователи признают ее в качестве активного начала, созидающего социально-слоевые идентификации.

В ходе анализа концепций культурной дифференциации социальных групп нами были сделаны и некоторые функциональные замечания в плане эмпирической разработки проблем исследования. Особое внимание уделялось изучению критерии культурной дифференциации социальных групп и соответствующих им показателей.

Итогом анализа концепций культурной дифференциации является третий параграф главы *«Концептуальная модель исследования культурной дифференциации социальных групп»*. Здесь в контексте описания проблем культурной дифференциации социальных групп в российском обществе и методов их разрешения представлена предложенная автором концепция изучения данного феномена, излагаются гипотезы, организующие исследовательский процесс.

Изучение отечественных концепций культурной дифференциации социальных групп периода трансформации в России, позволяет сделать вывод о том, что в этих концепциях отсутствуют ответы на важнейшие вопросы, поставленные предшествующими поколениями исследователей относительно изменения характера интересующего нас явления в современном обществе. *Как проявляются партикуляристская и универсалистская тенденции развития культуры, которые отражают основное противоречие процесса глобальных ценностных перемен, в ориентациях представителей различных социальных групп в российском обществе? В какой форме существует противоречие между вертикальным и горизонтальным принципами культурной дифференциации социальных групп в современной ситуации, и какие особенности формирования социальной структуры общества отражает это противоречие? Какую роль в культурной дифференциации социальных групп играют свобода личностного выбора и противостоящие этой свободе инерционные факторы, обуславливающие положение личности в социальной структуре общества?* Все эти вопросы требуют разработки методологически обоснованной теоретической концепции изучения культурной дифференциации социальных групп, которая бы могла получить подтверждение в эмпирическом исследовании.

В основе предлагаемой концепции лежит реляционный способ мышления, позволяющий раскрыть системное действие механизма взаимосвязи объективных социальных структур и внутриличностных схем восприятия и действия, составляющих габитус агентов. В качестве функционального компонента данного механизма представлена внутриличностная структура *способа актуализации социальной реальности*. Эта структура адаптирует формируемые габитусом схемы практик агента к изменению социальных условий посредством включения в действие рефлексивного мышления или смыслов, которыми наделяется реальность. Способ актуализации социальной реальности, равно как и габитус, является продуктом интериоризации агентом социальных структур, в рамках которых происходила его социализация. Следовательно, у агентов, имеющих равные социальные позиции и условия жизнедеятельности, могут проявиться родственные способы актуализации социальной реальности. Построение типологии подобного рода структур позволяет систематизировать культурные различия агентов, которые фактически оказываются их координатами в социальном пространстве. И если исходить из того, что близость координат отдельных агентов в таком пространстве есть признак, указывающий на наличие социальной группы, то посредством построения типологии способов актуализации социальной реальности мы приближаемся к решению задачи, связанной с выявлением культурной специфики социальных групп в обществе.

В отличие от габитуса способ актуализации социальной реальности как структура, связанная с рефлексивным мышлением агента вполне поддается социологическому измерению. Для этого необходимо свести воедино культурные практики и смыслы, направляющие деятельность отдельного агента, с культурными практиками и смыслами других агентов. Только при переходе с индивидуального на коллективный уровень анализа оказывается возможным проявление последствий процесса интериоризации агентами объективных структур, ко-

гда индивиды, изначально пребывающие в равных социальных условиях, демонстрируют схожие особенности восприятия реальности.

Критериями, на основании которых выделяются различные способы актуализации социальной реальности, рассматриваемые в качестве типов культуры социальных групп, являются структурные характеристики культуры, которые были выявлены при анализе используемых в исследованиях культурных показателей и их классификации на «количественные» и «качественные».

Количественные показатели культурной дифференциации социальных групп позволяют измерить прямо или косвенно *объем культурного капитала*, то есть объем накопленных знаний и информации в различных сферах жизнедеятельности. *Культурный капитал как комплекс культурных характеристик, свойственных социальным агентам (знаний и навыков, уровня и структуры образования, характера потребления информации, проведения досуга и пр.)*, инвестируется в социальную «игру», оказываясь условием осуществления социального влияния агентов и предпосылкой их практик. Объем же культурного капитала может определять адаптационные способности социальных агентов в ситуациях изменения общественной системы и кросс-культурного взаимодействия, на расширение или сужение их социальных возможностей, связанных со статусным продвижением. Фактически он выполняет инструментальную функцию в системе социокультурной деятельности людей.

В настоящем исследовании используются следующие показатели объема культурного капитала:

- уровень образования, получение второго и т.д. образования, повышение квалификации, наличие ученой степени;
- уровень разнообразия предпочтений в свободное от основной работы время;
- частота и уровень разнообразия потребления культурной информации посредством чтения и обращения к СМИ;
- степень реализации в выборе функционального направления культурной деятельности специфических знаний и навыков, необходимых для решения образовательных, профессиональных проблем и для участия в культуротворчестве.

Второй критерий культурной дифференциации социальных групп – *качество или структура культурного капитала* измеряется посредством качественных показателей культуры. Он используется для определения особенностей культуры людей, принадлежащих к различным социальным группам, характера их выборов, предпочтений, вкусов, которые находят отражение в представлениях, ценностных ориентациях, оценках, мнениях, в мотивации и поведении. Здесь важно рассмотреть всю палитру культурных ориентиров деятельности членов определенных социальных групп с целью выявления различных способов их самоактуализации и стилизации жизни. Предполагается, что эти способы проявляются как продукт определенных социальных условий и в совокупности воспроизводят логику исторической эволюции общественной системы.

Показателями качества культурного капитала являются структуры:

- представлений о социально значимых явлениях, с помощью которых воспринимается и объясняется реальность;
- ценностных ориентаций;

- мотивации трудовой деятельности;
- способов адаптации к конкретной социальной ситуации.

Третий критерий культурной дифференциации социальных групп можно назвать «социокультурной установкой», которая означает предрасположенность агентов к каким-либо методам использования культурного капитала в целях «завоевания» социальных позиций или социального самоутверждения. Социокультурная установка ситуационна в том смысле, что она является непосредственной реакцией личности на сложившуюся общественно-историческую ситуацию с присущими ей противоречиями. В то же время с точки зрения генезиса она представляет собой результат конкретных социально-экономических, политических, образовательных, семейных условий, в которых происходило формирование культурного капитала. В известном смысле социокультурная установка – отражает стремление агента к тому, чтобы направить накопленный культурный капитал в наиболее приемлемое (совпадающее с идеалами) русло развития социальных отношений. В отличие от культурного капитала, выполняющего инструментальную функцию при осуществлении социальных и культурных практик агентов, она определяет направленность (цели) этих практик.

Показателем культурной линии дифференциации социальных групп в плане социокультурных установок является ориентация агентов на определенные типы общественных отношений (непосредственно личные в традиционном обществе и опосредованные рынком в современном обществе) и соответствующие последним способы деятельности, то есть типы культуры. Эта ориентация характеризуется когнитивными (убеждениями, взглядами, верованиями, ценностями, мнениями), эмоциональными (переживаниями, связанными с вовлеченностью в данное отношение к действительности) и поведенческими (готовностью действовать практически в направлении данного отношения) компонентами. Она прослеживается в отношениях людей к экономической, политической и семейной жизни, к равенству (способностей, собственности и т.д.), к другим культурам, стилям жизни и инновациям как установка на партикулярную (групповую или общинную) замкнутость системы нерыночных отношений, отторгающую любые инородные культурные элементы, или на универсалистскую открытость рыночного общества, включающего в обмены различные типы культур.

Обозначенные выше критерии выделения способов актуализации социальной реальности предоставляют возможность зафиксировать не просто культурный потенциал агентов, проявляющийся в особенностях их культурного потребления и социокультурных ориентациях, но и присутствие универсальных тенденций исторического развития в культуре социальных групп. В соответствии с методологией формационного подхода, существование традиционаизма, современности и постсовременности составляет реальный исторический контекст трансформационного процесса в России. Представленная теоретическая модель исследования позволяет определить локализацию этих тенденций на уровне социальных групп и тем самым рассмотреть их влияние на формирование социальной структуры общества.

Во второй главе *«Культурные критерии социального структурирования российского общества в период трансформации»* на основании исполь-

зования материалов конкретно-социологических исследований проводится анализ культурного измерения процесса формирования социальной структуры в современном российском обществе.

В первом параграфе главы «*Изменение культурных условий социальной дифференциации в современной России*» раскрываются тенденции изменения исторического типа культуры в обществе, обусловившего характер наблюдаемых социоструктурных перемен.

Культурные изменения, произошедшие в России во 2-й половине 1980-1990-е и 2000-е годы отразились в общественном сознании как переход от одной культуры к другой. Причем логика противопоставления культур, как показало исследование социальных автобиографий студентов, выстраивается вокруг двух признаков – характера свободы и степени социальной защищенности человека в обществе. В частности, культура постсоветского общества, по оценкам студентов, ориентирована на поощрение свободы как спонтанного волеизъявления личности, что в принципе противоречит принятой ранее культурной установке на социальное воспитание слабо дифференциированной массы людей посредством внедрения желательных ценностно-нормативных образцов личностного поведения. Такая культура не мобилизует личность на достижение социально значимых целей, а чутко реагирует на ее готовность сделать самостоятельный выбор, предлагая то, что востребовано. Иной культурный тип свободы описывается применительно к условиям советского общества. В этом обществе человек, действительно, менее свободен в смысле спонтанного волеизъявления. Но его контролируемая свобода воспринимается полноценной в своем роде, поскольку предполагает более надежные правила игры – социальные гарантии, коллективные интересы, общезначимые идеалы, способные сплотить общество, сделать его более предсказуемым и безопасным. Высокая степень социальной защищенности обеспечивает в данном случае возможность реализации свободы, какой бы несовершенной она ни была с точки зрения культурной альтернативы. В постсоветском обществе степень социальной защищенности, наоборот, оценивается как недостаточная для оптимального осуществления приобретенного блага спонтанной свободы. Это вызывает чувства неудовлетворенности и разочарования, способствует распространению социальной критики и заставляет вспоминать о прошлом.

Переход от мобилизационной культуры к культуре спонтанного типа рассматривается как одно из проявлений трансформации современного общества в направлении постсовременности. В результате этого процесса меняется характер культурной дифференциации социальных групп в обществе. Мобилизационная культура советского общества была дифференциированной в основном в силу неравного доступа представителей тех или иных социальных групп к общезначимым культурным достижениям. В постсоветской культуре спонтанного типа дифференцирующую функцию вместо неравного доступа начинает выполнять вкус в смысле желания или нежелания агентов осваивать культурные достижения, которые вследствие утвердившейся свободы индивидуального выбора перестали быть значимыми для всех. Различия же во вкусах при распространении образцов массовой культуры, оказываются несущественными у

большинства социальных групп, находящихся в сфере внимания социологов. Эта тенденция, в частности, прослеживается по показателям чтения. Доля респондентов, не читающих книги, согласно данным ВЦИОМ, наиболее велика среди людей с низким уровнем образования. Но эта доля наибольшими темпами растет как раз среди молодых и образованных. Напротив, в пристрастии к чтению детективов и боевиков, сегодня занимают лидирующие позиции образованные россияне, 30-летние респонденты. Однако по темпам роста заинтересованности литературой этого жанра их – и всех остальных – опережают старшие и наименее образованные группы.

Изменение культуры в российском обществе находит выражение в трансформациях институционального и технологического плана, связанных с распадом советской государственной системы культурной репродукции, дезелитизацией образованного слоя в обществе и всеобщей доступностью рыночно ориентированных средств массовой коммуникации. Тем самым теряет основания идеологически фундированная система культурного воспитания всесторонне развитой личности. Вполне вероятно, что этот процесс обусловлен наличием предпосылок, какими являются количественные и качественные (функционально-мотивационные) параметры образования в обществе. Рост образовательного уровня граждан ведет к демократизации культуры, что проявляется в реструктуризации вертикали культурных различий социальных групп, в размытии слоя культурной элиты и падении авторитета поддерживаемых ею символических образцов. В научной литературе по проблемам постсовременности происходящие изменения описываются в связи с возникновением ситуации, когда «индивидуи уже более не соперничают друг с другом в обладании благами, они самореализуются в своем потреблении, каждый сам по себе»¹.

Основания для выделения подобного рода тенденции применительно к культуре российского общества, действительно, имеют место. Распространение высшего образования в России влечет за собой определенные культурные перемены. В обществе появляется реальная социальная сила, заинтересованная в условиях, актуализирующих ценности рыночной перспективы. Так, по результатам анализа данных исследования, проведенного лабораторией социологии ПГТУ в 2003 году на производственных предприятиях Пермской области, самостоятельность, ответственность, стремления к достижениям, реализации деловых качеств и самоорганизации имеют большую значимость именно для респондентов с высшим образованием. Кроме того, по утверждению организаторов всероссийских исследований ценностей 1991-1993 годов, образование является наиболее важным среди других социальных факторов, влияющих на приоритет постматериалистических ценностей или ценностей самовыражения, качества жизни и политического участия. Подобного рода изменения ценностей высокообразованного слоя, несомненно, являются важнейшей составляющей культурной трансформации российского социума.

Вместе с тем нужно отметить, что получение высшего образования, которое может быть рассмотрено в качестве основного культурного блага, воспри-

¹ Бодрияр Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 1995. – С. 154.

нимается в настоящее время как способ статусных достижений личности, как то, что открывает перспективы в конкурентной борьбе. Мотивы получения образования становятся более рациональными и прагматичными. А это значит, что «идеология конкуренции» отнюдь не отступает перед «философией личного самоустроения», о чем писал Ж. Бодрияр, рассматривая изменения в культуре западного общества, но своего рода «встраивается» в нее, становится неотъемлемым ее компонентом. Так, рационализация мотивов получения высшего образования, скорее всего, является ответной реакцией на переход к культуре спонтанного типа, позволяющей личности проявить себя в тех предпочтениях, которые были блокированы культурными установлениями советского общества. Другое дело, что в настоящее время эти предпочтения оказались соответствующими социально провозглашенным целям модернизации, связанным с достижением материального благополучия как фундаментальной категории личного успеха. В данном отношении процессы модернизации сознания россиян тесно переплетаются с постмодернизационными тенденциями в культуре, которые в принципе способствуют появлению социально значимой альтернативы традиционализму мобилизационных приоритетов советского типа. Не случайно распространение в обществе высшего образования влияет на формирование социальной базы трансформационного процесса. Согласно данным социологических исследований, доля респондентов с высшим образованием, выступающих за продолжение реформ, преобладает над долей респондентов со средним и средним специальным образованием и тем более с образованием ниже среднего на протяжении всего периода преобразований. Этот факт лишний раз доказывает, что образованным людям свойственно альтернативное мышление, отражающее склонности к самостоятельности, самореализации и свободному волеизъявлению.

Изменение исторического типа культуры в российском обществе проявляется пока как тенденция, во-первых, в ориентациях сознания наиболее образованных и молодых групп населения, во-вторых, в процессах сближения культурных предпочтений у представителей различных социально-статусных групп под влиянием распространения массовой культуры. *Логично предположить, что выявленная тенденция оказывает формирующее воздействие на социоструктурный процесс.* В ситуации культурных изменений представители различных социальных групп и слоев общества вынуждены осваивать наиболее приемлемые формы поведения, обеспечивающие возможности личностной адаптации и перспективы социальной мобильности. Успех же этой деятельности должен зависеть от реального культурного потенциала агентов, от способов восприятия ими перемен, что, в сущности, определяет способность личности к осуществлению самостоятельного выбора жизненных обстоятельств.

Во втором параграфе главы *«Исследование способов актуализации социальной реальности в качестве типов культуры социальных групп»* посредством реализации процедуры выделения культурно-адаптационных структур – способов актуализации социальной реальности – изучается проявление культурной дифференциации среди работников пермских производственных предприятий.

В условиях изменения исторических типов общества и культуры выделенные способы актуализации социальной реальности, на наш взгляд, адекватно отражают культурную специфику исследуемых социальных групп. Новым постмодернизационным тенденциям развития общества, связанным с повышением значимости образования, личностного самовыражения в творчестве, толерантности и социального согласия во всех сферах жизнедеятельности, соответствует *первый способ актуализации социальной реальности*. Для него характерны высокий уровень образования, проявление творчества в досуге и в отношении к труду, представление о свободе как возможности творческой деятельности, активное принятие культурных инноваций, приоритет ценности человеческой жизни, отсутствие склонности к авторитарности и значительная степень адаптации к социальной ситуации, которую можно рассматривать в качестве показателя лояльности к социальным и культурным переменам.

Обладателями первого способа актуализации социальной реальности являются практически в равной степени мужчины и женщины, главным образом специалисты и руководители со сравнительно высоким уровнем доходов. Их средний возраст – 36,8 года. По семейному положению большинство респондентов женатые (замужние) люди с детьми. Однако примерно каждый четвертый холост (не замужем), что в принципе соответствует большой доле молодежи в группе. К тому же количество разведенных респондентов среди представителей данного типа несколько выше, чем среди остальных. По социальному происхождению это выходцы из семей интеллигенции, специалистов, а также работников управления предприятий и учреждений, работников государственных, областных, городских и районных структур, партийных работников. Их первичная социализация происходила в условиях большого города. Родители росли также в высоко урбанизированной среде, имеют высшее и среднее специальное образование.

Противоположностью первому способу актуализации социальной реальности является *третий способ*, который связан со схемами действия в традиционном обществе, обладающем мощными механизмами воспроизведения устоявшихся, рутинизированных образцов социальных практик. Этому способу свойственны низкий уровень образования, однообразный досуг, стремление заниматься привычным исполнительским трудом, представления о свободе как экзистенциальной потребности, неприятие культурных инноваций и инородцев, патернализм, патриархальность, авторитарность, низкая ценность человеческой жизни и незначительная степень адаптации к социальной ситуации.

Третий способ актуализации социальной реальности объединяет значительную долю мужчин и небольшую долю женщин. Это по преимуществу рабочие, причем доля рабочих со средним специальным образованием почти такая же, как и доля рабочих со средним общим образованием. Уровень их доходов сравнительно низок. Средний возраст респондентов – 43,4 года. По семейному положению это в основном женатые и замужние люди. Количество холостых и незамужних здесь почти в три раза меньше, чем в первой группе. Респонденты, живущие в незарегистрированном браке и разведенные, составляют меньший процент, чем в остальных группах. По социальному происхождению

они выходцы из семей рабочих, в меньшей степени – крестьян. Их первичная социализация происходила в селе. Родители росли в сельской местности и имеют неполное среднее, среднее общее и среднее специальное образование.

Переходные процессы современности, в основе которых лежит переплетение постмодернизационных тенденций и традиционализма, нашли отражение в рамках *второго способа актуализации социальной реальности*. По всем используемым показателям культуры этот способ занимает промежуточное положение между первым и третьим способами. Его отличают, средние параметры образования (высшего и среднего специального), невысокая степень разнообразия в досуге, инструментальное отношение к труду, представление о свободе как независимости от внешних обстоятельств, индивидуализм, противоречивые отношения к культурным инновациям и ценности человеческой жизни, а также средняя степень адаптации к социальной ситуации.

Носителями второго способа актуализации социальной реальности оказались по преимуществу мужчины, количество женщин в группе более чем в два раза ниже количества мужчин. Это в основном рабочие со средним специальным образованием. Специалистов и руководителей сравнительно меньше, чем в первой группе. Уровень их доходов – средний по массиву. Средний возраст – 39,9 года. Женатых (замужних) респондентов с детьми здесь меньше, чем в других группах. Зато доля респондентов, живущих в незарегистрированном браке, почти в два раза больше, чем в первой группе и в пять раз больше, чем в третьей группе. По социальному происхождению это респонденты из семей рабочих, в меньшей степени – специалистов, чья первичная социализация происходила практически в равной степени в крупном городе и поселке, районцентре, небольшом городке. Родители росли в сельской местности, а также в поселке, районцентре, небольшом городке и имеют среднее специальное образование.

Как показало исследование, обладание тем или иным способом актуализации социальной реальности свидетельствует об уровне социального статуса респондентов. Чем выше их статус, тем более «продвинутым» в плане соответствия современным тенденциям является их тип культуры. Фактически принадлежность к социальной группе фиксируется культурой, у респондентов наблюдается преобладание определенных представлений, ценностей, мотивов поведения, формируется характерное восприятие ситуации. Логично предположить, что если все это соответствует реалиям времени, культура выступает в качестве условия для социальной мобильности. Если же соответствия не наблюдается, может произойти обратный процесс консервации либо утраты статуса, переживаемый самими агентами или же поколением их детей. Отсюда следует, что культурные особенности агентов, проявляющиеся в направленности сознания и поведения, могут влиять на перспективы их социального продвижения, а также на специфику адаптации в меняющихся социокультурных условиях.

В третьем параграфе главы *«Социоструктурные факторы дифференциации способов актуализации социальной реальности»* прослеживается влияние социально-демографических, статусно-профессиональных, экономических и социализационных факторов на культурные различия работников пред-

приятий и студентов, и в связи с этим устанавливаются закономерности формирования социальной структуры, характерной для российского общества.

Выявленная расстановка факторов, определяющих культурные различия обследованных групп, отражает реальность современных процессов социального структурирования. С одной стороны, преимущественное влияние на культурную дифференциацию работников производственных предприятий их профессионального статуса вполне укладывается в русле постмодернизационных тенденций, которые проявляются в выдвижении на первый план социо-структурного процесса индивидуальных качеств личности, ее способностей и стремлений к самоопределению. С другой стороны, характер формирования современной социальной структуры в значительной степени обусловлен инерционными тенденциями влияния обстоятельств социализации на обретение агентами возможностей достижения статусов. Данное противоречие обусловлено культурной спецификой социальных групп, представляющих различные слои общества. Так, по результатам нашего исследования, было установлено, что характер влияния фактора социального происхождения на культурную дифференциацию заметно отличается у руководителей со специалистами и у рабочих. У руководителей и специалистов культурные различия в большей степени являются следствием их достигнутого профессионального статуса, нежели их социального происхождения. У рабочих же, наоборот, проявляется инерционная тенденция преимущественного влияния социального происхождения, когда статусная позиция их родителей ограничивает культурные возможности профессиональных достижений, а то и потребность в них.

Учитывая приведенный факт, можно предположить, что в будущем в связи с переходом к спонтанной культуре, репрезентирующей ситуацию выравнивания условий социализации представителей средних слоев общества, заметно возрастающих в процентном отношении, возможно ослабление влияния на культурные различия агентов инерционных тенденций. Решающую роль в культурной дифференциации социальных групп начнут играть способности их представителей к свободному выбору культурных координат действия, которые во многом зависят от рода занятий и индивидуальных особенностей.

В современной же ситуации, вопреки предположению, вертикальные или слоевые различия в культуре между обследованными социальными группами оказались достаточно ярко выражены. Об этом свидетельствует, в частности, то, что распределение культурного капитала и степени принятия личностной свободы в ситуации социокультурных перемен совершенно определенно связаны с величиной профессионального и образовательного статусов респондентов и их родителей. Чем выше статусы, тем больше показатели владения капиталом и позитивного отношения к образу личностной свободы модернизированного общества. На этом основании культура групп с относительно высоким статусом (руководителей и специалистов) отличается от культуры групп с относительно низким статусом (рабочих). Первые более образованы и более «культурны» с точки зрения освоения современных норм и ценностей, вторые имеют сравнительно низкий уровень образования и владения современной культурой, тяготеют к традиционализму. Таким образом, уровневая культурная дифференциация

ция социальных групп через преемственность статусов родителей и детей «встраивается» внутрь субкультурных (горизонтальных) различий этих групп, устанавливая вертикальный порядок связи между ними.

В соответствии с социально-технологической трактовкой культуры, достижению той или иной социальной позиции личностью всегда предшествует этап подготовки, связанный с освоением ею необходимых культурных качеств, которые становятся руководством к действию. В настоящее время личные способности и усилия агентов играют немалую роль в такой подготовке. Однако культурная специфика, сформированная в ходе первичной социализации в рамках определенных социальных условий, оказывается серьезным препятствием на этом пути, или же, наоборот, в силу установленного кумулятивного эффекта культуры выступает в качестве предпосылки для удачного осуществления дела.

Кумулятивный эффект культуры был зафиксирован советскими исследователями по показателям образования. Отмечалось, что дети, родители которых имеют высшее образование, в большей степени реализуют претензии на тот же уровень образования, нежели дети, родители которых имеют более низкое образование. Однако, как показали наши исследования, эта закономерность распространяется и на предрасположенность детей к обладанию другими благами, которые являются предметом культурного потребления, поскольку характер такого потребления находится в непосредственной зависимости от особенностей образа жизни, приобретаемого в процессе получения образования. В частности, активность и разнообразие культурного потребления, приверженность универсалистским ценностям, свойственные по преимуществу людям с высшим образованием, тоже могут передаваться «по наследству» от поколения к поколению в качестве норм, осваиваемых детьми в процессе первичной социализации.

Вопреки нашим ожиданиям в ходе исследования было установлено, что социально-демографические факторы по степени влияния на культурные различия респондентов отступают на второй план по сравнению со статусно-профессиональными и социализационными факторами. Теоретически предполагалось, что в условиях роста неопределенности, характерной для социоструктурного процесса, кризиса личностных идентификаций и ожесточения борьбы за существование при переходе общества от одного типа социальной организации к другому роль социально-демографических факторов, в частности, пола и возраста, должна возрастать, и по значимости их влияние должно быть равным влиянию лидирующих факторов достижения. Однако реальная ситуация выглядит несколько иначе. Эмпирические данные свидетельствуют, что мера неопределенности социоструктурного процесса не так велика, как принято утверждать. Случайные связи между культурными и социальными переменными практически отсутствуют, так как величины коэффициентов корреляции между этими переменными колеблются в диапазоне средних и высоких значений (0,3-0,8).

В заключении диссертации обобщаются результаты исследования, формулируются выводы и определяются перспективы дальнейшего изучения темы.

В ситуации изменения исторического типа культуры в российском обществе, когда на смену мобилизационной культуре приходит культура спонтанного типа, когда меняется характер культурной дифференциации социальных

групп и прослеживается тенденция культурной однородности, особое значение приобретает изучение составляющих культурно-адаптационного механизма. Действие этого механизма прослеживается на всех уровнях анализа социальной системы. На уровне личности он выражается в особом способе актуализации социальной реальности, который приводит в соответствие с действительностью усвоенные в процессе социализации схемы практик агента или его габитус. На уровне локальных общностей и групп функционируют различные способы актуализации социальной реальности, которые фактически являются системами культурных различий, существующих в конкретном обществе или коллективе. На уровне общества в целом целесообразно рассматривать историческую конфигурацию способов актуализации социальной реальности, которая отражает закономерности чередования этапов общественного развития. И хотя социологические обобщения, сделанные в работе, ориентированы на изучение способов актуализации социальной реальности на групповом уровне анализа общественной системы, они все же предполагают переходы на другие уровни. Без таких переходов оказались бы невозможными ни определение предмета исследования, ни выход на проблемы формирования социальной структуры общества.

Трансформационные процессы, происходящие в культуре российского общества, сопровождаются проявлением тенденции культурной однородности, которая фиксируется по материалам всероссийских опросов ВЦИОМ. Проведенное нами социологическое исследование не опровергает наличие такой тенденции, отражающей закономерности изменения принципов социального структурирования в обществах с многочисленным средним классом. Однако для доказательства ее действительного проявления *важно проследить динамику* культурной дифференциации обследованных, а также других групп. Это в свою очередь означает необходимость проведения дальнейших исследований, которые бы могли подтвердить или опровергнуть наличие культурных предпосылок для формирования в российском обществе социальной структуры западного типа с характерными для нее признаками постклассового состояния.

Очевидно, что вертикальная классификация культуры социальных групп в обществе сохраняется. Проблема же состоит в том, какие причины порождают данное явление. С одной стороны, этот феномен является выражением структуры социального неравенства, существовавшего в обществе в предшествующий период. Об этом свидетельствует установленное в ходе исследования влияние социального статуса родителей на культурную специфику детей. С другой стороны, существование вертикальной классификации культуры социальных групп можно объяснить становлением новой формы стратификации, в которой решающую роль начинают играть факторы, связанные с культурным потенциалом личности. К ним относятся, в частности, объем культурного капитала, включающий уровень образования и показатели культурного потребления, а также направленность социокультурных установок, раскрывающая ориентации личности на тот или иной тип культурного взаимодействия (универсаллистский или партикуляристский). Действие последней причины доказывает фактическое совпадение культурного и профессионального расслоения, когда за различиями профессиональных статусов скрываются различия культурного

потенциала личностей. При этом величина культурного потенциала определяет вертикаль профессиональных различий. Таков механизм изменения оснований социальной стратификации общества, который порождает в современной ситуации следующее противоречие. На первый взгляд, субкультурные различия, связанные с профессией, полом, возрастом и т.д., как совокупности некоторых абстрактно воспринимаемых признаков, приобретают все большее значение. На самом же деле, при условии социологического превращения этих признаков в реальные показатели культурного потенциала представителей тех или иных социальных групп, субкультурные различия подчиняются принципу вертикального структурирования, поскольку от их качественных и количественных параметров зависит положение людей в обществе. Конечно, процедура такого превращения весьма затруднительна и представляет собой в настоящее время серьезную научно-практическую проблему. Тем не менее, существующие попытки измерения культурного потенциала агентов, принадлежащих к различным социальным группам, на наш взгляд, весьма плодотворны и должны быть учтены при дальнейшей разработке его показателей.

В целом, изменение характера культурной дифференциации социальных групп в российском обществе происходит постепенно, с высокой долей преемственности, что, несомненно, оказывает влияние на динамику социального структурирования. Соответствующие процессам формирования классовой структуры современного общества целерациональные тенденции достаточно отчетливо проявляются в мотивации поведения россиян. Однако об отступлении утвердившейся в советское время ценностно-рациональной модели культурного выбора говорить не приходится, поскольку именно эту модель демонстрируют носители наиболее перспективного в плане общественного развития способа актуализации социальной реальности.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

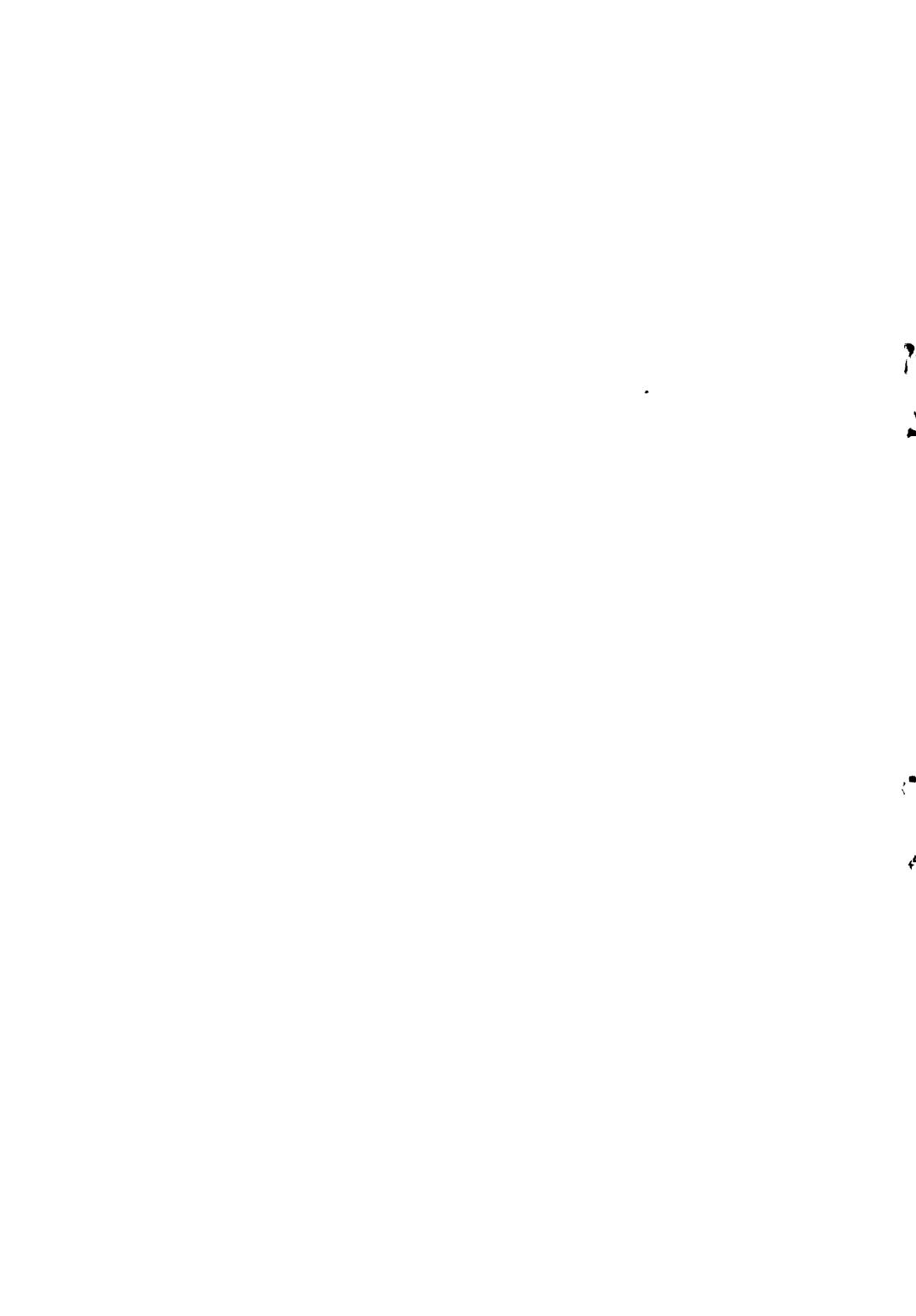
Статьи

1. Ценностные ориентации в культурно разнородных группах работников производственных предприятий // Молодежная наука Прикамья: Сб. науч. тр. / Пермский гос. техн. ун-т – Пермь, 2004. – С. 105-108.
2. «Уровневая» и «типологическая» концепции культурной дифференциации в советской науке о культуре // Ученые записки гуманитарного факультета / Перм. гос. техн. ун-т – Пермь, 2004. – Вып. VII – С. 240-245.
3. Изменение исторического типа культуры в Российском обществе в период рыночных реформ как предмет социальных автобиографий студентов // Сборник научных трудов аспирантов / Пермский гос. техн. ун-т – Пермь, 2005. – С. 27-34.

4. Критерии культурной дифференциации // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Материалы 7-й научной конференции, посвященной памяти профессора З.И. Файнбурга / Пермский гос. техн. ун-т – Пермь, 2004. – С. 187-190.
5. Структура ценностных ориентаций в культурно разнородных группах работников производственных предприятий // Формирование гуманитарной среды и внеучебная работа в вузс, техникуме, школе: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции / Пермский гос. техн. ун-т – Пермь, 2005. – Т. 2. – С. 22-24.
6. Способы актуализации социальной реальности как типы культуры работников предприятий // Вестник ГОУ ВПО УГТУ-УПИ. Трансформация российского общества и актуальные проблемы социологии: материалы Всероссийской научно-практической конференции «XV Уральские социологические чтения «Возрождение России: общество – управление – образование – культура – молодежь». – Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2005. – № 3 (55). – Ч. 1. – С. 325-327.
7. К вопросу об определении культурной дифференциации // Большой Урал – XXI век: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Ч. 1: ХІІІ Уральские социологические чтения. – Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2001. – С. 203-204.

Тезисы

8. Об особенностях типологического подхода к исследованию проблемы культурной дифференциации в современном обществе // Проблемы общественного развития в зеркале социологии и экономики. Тезисы докладов III межрегиональной научной конференции. – Екатеринбург, 2000. – С. 104-105.
9. Методологические подходы к исследованию проблемы культурной дифференциации // Социология и общество. Тезисы Первого Всероссийского социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи». – Спб.: Издательство «Скифия», 2000. – С. 284-285.
10. К вопросу об изучении способов актуализации социальной реальности // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы»; В 3 т. – М.: Альфа-М, 2003. – Т. 1. С. 246-248.

Лицензия ЛР № 020370

Сдано в печать 09.08.05. Формат 60x84/16. Объём 1,0 уч.изд.п.л.
Тираж 100. Заказ 1330.

Печатная мастерская ротапринта ПГТУ.

■ 15047

РНБ Русский фонд

2006-4
12169